

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. XVI

П А М И Р

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Л. Ф. Моногарова

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКСКОЙ ССР

Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) расположена в восточной части Таджикистана, на Памире — самом высокогорном крае Советского Союза. На севере и северо-западе ГБАО граничит с Киргизской ССР по Заалайскому хребту и с Таджикской ССР по Дарвазскому хребту. На западе и юго-западе области в среднем течении р. Пяндж (верховья р. Амударьи до слияния ее с Вахшем) идет граница с Афганистаном, на юге она проходит в среднем течении рек Пяндж и Памир; на юго-востоке — по Ваханскому хребту, на востоке по Сарыкольскому хребту ГБАО граничит с КНР. По площади ГБАО занимает около 45% территории Таджикской ССР, однако здесь живет только немногим больше 3,5% населения республики.

При средней плотности населения области в 1,4 чел./кв. км [11, 252] долины рек Западного Памира характеризуются большей плотностью, чем высокогорное плато Восточного Памира, где плотность составляет всего 0,4 чел. на 1 кв. км [6, 120]. 92% населения сосредоточено на Западном Памире, занимающем только 36,5% территории ГБАО [11, 260].

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. [15, 122—123], общая численность населения ГБАО равна 73 037 человек, из них таджиков (в том числе припамирских народностей) — 65 534 человека. Термином «припамирские народности» исследователи называют группу родственных ираноязычных народностей Западного Памира. Все припамирские народности по национальности были записаны таджиками, но при этом свыше 42 000 человек назвали родным один из коренных памирских языков [27, 119]. По данным Всесоюзной переписи 1970 г. общая численность населения ГБАО около 98 000 человек, из них таджиков (вместе с припамирцами) — 90,8%. Численность киргизов в ГБАО — 6930 человек, русских — 764 человека.

Наибольшую по численности группу населения составляют припамирские народности: язгулемцы (самоназвание згамик), рушанцы (рыхен, рухни) с их локальной группой хуфцами (хуфидж); бартангцы (бартангидж) с локальной группой орошорцев; шугнанцы (хугни, хунуни) с их локальной группой баджуйцами, говорящими на одном из памирских языков, ишкашимцы (ишкошуми, ишкошими) и ваханцы (хик, вахи).

Численность каждой из этих народностей определить довольно трудно в связи с тем, что переписями 1959 и 1970 гг. все они были за-

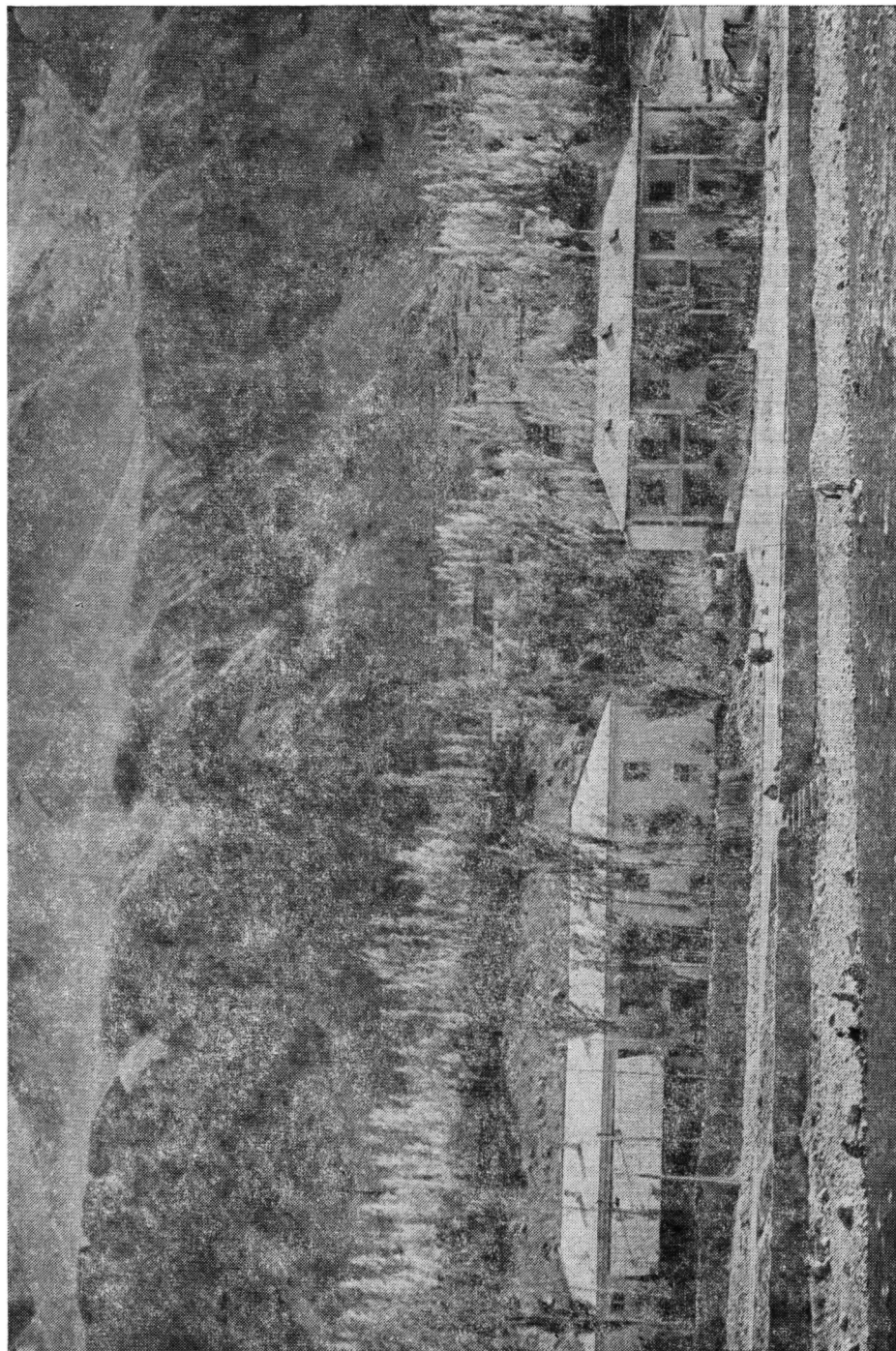

Рис. 1. Новые жилые дома на реке Гунт в г. Хорог

писаны по национальности таджиками. Приблизительную численность их можно определить по числу лиц, назвавших родным один из памирских (или припамирских) языков.

Язгулемцы (около 1600 человек) населяют долину р. Язгулем; рушанцы (около 7000 человек) живут на правом берегу Пянджа от устья Язгулема до устья Бартанга, хуфцы (1200 человек) — в долине Хуф; бартангцы (около 2000 человек) занимают долину р. Бартанг; шугнанцы — самая крупная по численности народность (свыше 20 000 человек, в том числе и баджуйцы долины Баджуй) расселены по правобережью Пянджа от кишлака Сохчарв до Хасхарага (первого кишлака Горона), в долине Гунта и в долине Шахдары, говорящие на языке «рыни» ишкашимцы — в кишлаке Рын (400 человек, всего в ГБАО — около 500 человек); ваханцы (свыше 7000 человек) проживают в верховьях р. Пяндж и в долине р. Памир.

Таджики, говорящие на таджикско-бадахшанских говорах [27, 121], в ГБАО проживают: в Қалаихумбском (дарвазцы), Ванчском и Ишкашимском районах. Таджики Қалаихумбского района — дарвазцы (самоназвание — дарвози). Таджики долины Ванча (правильнее Ванджа) — ванчцы (ванджи) в прошлом одна из припамирских народностей, ассимилированные таджиками Дарваза более 100 лет тому назад. В Ишкашимском районе таджики (таджикоязычные ишкашимцы, сами себя называющие ишкашимцами — ишкошими) живут в правобережье долины р. Пяндж от кишлака Авдж до кишлака Наматгут.

Другая группа таджиков Ишкашимского района — горонцы (от кишлака Даршай до кишлака Хасхара — границы с шугнанцами). Их локальное название связано с территорией, на которой они живут — бассейн Гарм-Чашма называется Горон.

Киргизы — главным образом племенные объединения: адигине, мунгуш и группировка ичкилик [2, 177] — составляют основное население Мургабского района. Русские живут преимущественно в единственном городе ГБАО — центре области Хороге — и в районных центрах.

В зарубежных странах припамирские народности представлены в Афганском Бадахшане (рушанцы, шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы, зебакцы, сангличи) — 70 тыс. человек в 1961 г., в Пакистане, в местности Читрал (мунджанцы и йидга), в Китайской Народной Республике (Синьцзян) — сарыкольцы, родственные шугнанцам, и ваханцы — всего около 17 тыс. человек в 1961 г.

Родные языки припамирских народностей, так называемые лингвистами памирские языки, принадлежат к иранским языкам юго-восточной ветви [31, 3—4; 19, 133, 152—157].

Эти языки условно разделяются на две группы: северная включает близкие друг другу языки — язгулемский и шугнано-рушанскую диалектную группу, в которую входят взаимопонимаемые диалекты: шугнанский, рушанский, бартангский, орошорский, хуфский и сарыкольский, к этой северной группе принадлежал и вымерший ванчский (ванджский) язык; южная группа включает более разнородные языки: ишкашимский (с диалектами ишкашимским, сангличским и зебакским), ваханский, обособленный от юго-восточноиранских языков и приближающийся по ряду признаков к индийским языкам, условно мунджанский (с диалектами йидга и мунджанским), занимающий промежуточное место между памирскими языками и пушту (афганским).

Таджики говорят на различных диалектах таджикского языка, относящегося к западной иранской языковой группе. Родной язык киргизов Восточного Памира, которых вместе с ферганскими киргизами в отличие от киргизов других районов Средней Азии исследователи вс-

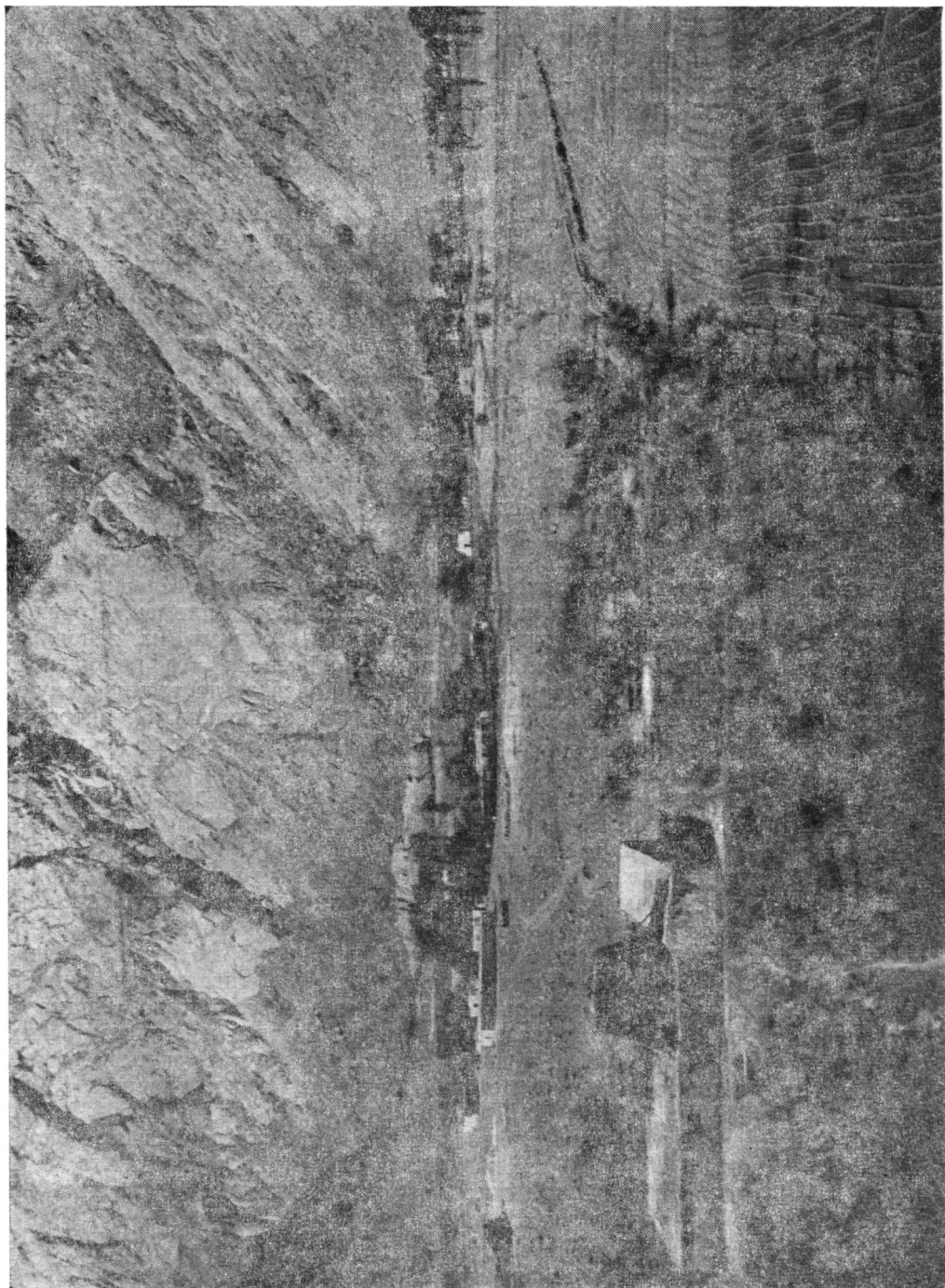

Рис. 2. Долина реки Бартанг

ловно называют южными [2, 156]. — киргизский, входит в северо-западную группу тюркских языков [2, 156].

В антропологическом отношении население ГБАО также разнообразно. Горные таджики и припамирские народности антропологи относят к брахицефальной европеоидной расе Среднеазиатского междуречья, в составе которой Л. В. Ошанин выделяет три варианта. К первому — «горному» — он причисляет горных таджиков, а ко второму — «припамирскому» — ираноязычное население юго-западных припамирских стран — Рушана, Шугнана и Вахана. «Этот подтип близок к подтипу горных таджиков, но отличается от него некоторыми признаками, сходными с признаками так называемой переднеазиатской расы» [24, 94].

Среди киргизов Восточного Памира преобладает центральноазиатский монголоидный тип [2, 157]. Большинство исследователей считают, что в конце XVII в. под давлением калмыков часть киргизов переселилась на Восточный Памир [2, 165]. Однако высказывается предположение и о более раннем появлении здесь киргизов [20, 8—9], правда, связь последних с носителями культуры древних археологических памятников Восточного Памира еще не доказаны.

Коренным населением Западного Памира являются припамирские народности, в силу чрезвычайной географической изоляции и ряда исторических и социально-экономических причин оказавшиеся к X в. на периферии территории этнического формирования таджиков, и сложившиеся в самостоятельные народности с собственными, отличными от таджикского, языками. В античное время и в конце I тысячелетия до н. э. в районе верховьев Амударьи (Пянджа) жили отдаленные предки припамирских народностей. Территория их расселения была сопредельна с центром формирования индо-иранских племен. Древние сакские и, возможно, дардские племена стали одними из основных элементов в этногенезе припамирских народностей. Это положение, выдвинутое впервые Р. Шоу [32, 128—129], подтверждается последующими исследованиями лингвистов [19, 140, 32], историков [5], антропологов [24] и археологов [7, 8, 12, 13, 14, 21]. А. Н. Бернштам подчеркивает резкое различие археологических памятников Западного и Восточного Памира, что совпадает с современной этно-лингвистической границей. «Восточный Памир представлен памятниками кочевников, Западный — памятниками оседлого населения...» [7, 129]. А. Н. Бернштам отметил, что «в самобытной культуре древнего населения Западного Памира явно выступает культура Тохристана, особенно активно себя проявившая в Кушанский период» [8, 280; см. также 12, 13 и 14]. Заселение труднодоступных долин верхнего Пянджа, по мнению большинства исследователей, происходило в виде ряда миграционных волн, идущих с Запада (с территории современного Афганистана, Ирана и южных районов Таджикистана). В этногенезе каждой из припамирских народностей участвовали местные, аборигенные племена и многочисленные пришедшие родственные между собою этнические элементы [1, 58; 3, 3; 9, 15; 4, вып. 1, 13—15]. По нашим полевым материалам [22, 11], миграционные движения населения не прекращались и до самого последнего времени (200—100 лет назад), на много веков позже X в., т. е. уже после консолидации таджиков и родственных горным таджикам отдельных припамирских народностей.

Н. А. Кисляков подчеркивает этническую общность и единство происхождения припамирских народностей и таджиков Каратегина, Дарваза, Гиссара, возможно, и Куляба, предки которых говорили в отдаленные времена на общих, близкородственных наречиях или языках. При-

памирские народности и горные таджики этих местностей характеризуются известной культурной общностью [16, 318]. Н. А. Кисляков вслед за И. И. Зарубиным и Н. И. Вавиловым считает, что на территории Таджикистана существовали две древние культурно-исторические области — «согдийская» (к северу и западу от Гиссарского хребта) и «тохарская» (к югу и востоку от этого хребта). «Таджики, населяющие территорию к северу и западу от Гиссарского хребта, этнически, по-видимому, связаны с населением Согда, для таджиков Гиссара, Куляба, Каратегина, Дарваза и Припамирских районов характерна значительная культурная общность, которая в своей основе восходит, вероятно, к древним обитателям этого края — тохарам» [17, 130].

По вероисповеданию верующие из числа горных таджиков Дарваза (в ГБАО это Калайхумбский и Ванчский районы) относятся к мусульманам-суннитам. Верующие киргизы также мусульмане-сунниты, а припамирские народности приняли ислам в форме исмаилизма значительно позже, к XII в. Исмаилизм — одна из двух главных сект шиитского направления ислама. Исмаилизм припамирских народностей, вобрав в себя анимистические народные представления, является результатом смешения их с исмаилитскими догмами. Объективно, один из наиболее реакционных элементов исмаилизма — резкая нетерпимость к последователям других религий, порождавшая и в последующие века, даже в конце XIX — начале XX в., отчужденность в отношениях с соседними народами другой веры: киргизами Восточного Памира, таджиками Дарваза и северо-восточного Афганистана и другими. «Этноразделительная» роль религии особенно значительна в мусульманских странах. «Религиозные различия имели в быту и в социальных отношениях большее значение, чем этнические» [18, 102].

Различная религиозная принадлежность припамирских народностей (исмаилитов) и таджиков (суннитов) была одной из главных причин обособления в этническом развитии припамирцев и была одной из основных причин, тормозивших в прошлом сближение этих народов.

Издавна шел процесс взаимовлияния припамирских народностей между собой, способствующий выработке некоторых общих для всех припамирских народностей черт хозяйственной деятельности и основных элементов материальной и духовной культуры, отличных от таковых у таджиков.

Благодаря завоеваниям Великой Октябрьской социалистической революции припамирские народности, как и многие другие народы бывших окраин царской России, минуя стадию капиталистического развития, перешли от феодальных (вернее, патриархально-феодальных) отношений к социалистическим. Все припамирские народности, проживающие на территории нашей страны на правах автономии, в составе ГБАО объединены с таджиками в одно государственное образование — Таджикскую Советскую социалистическую республику, являющуюся, как и другие союзные республики Средней Азии, форпостом социализма на юге нашей страны.

Образование Горно-Бадахшанской автономной области (1925 г.) в пределах Таджикской ССР и социалистическое переустройство хозяйства, особенно создание колхозов, обусловили экономическую общность припамирских народностей с таджиками остальных районов республики. Следует отметить большую экономическую помощь Горно-Бадахшанской автономной области со стороны Таджикской республики. Важное значение в общей экономической и культурной жизни ГБАО и Таджикской ССР имела ликвидация бездорожья (проведение автомобильных дорог Ош — Хорог в 1934 г. в Душанбе — Хорог в 1940 г.),

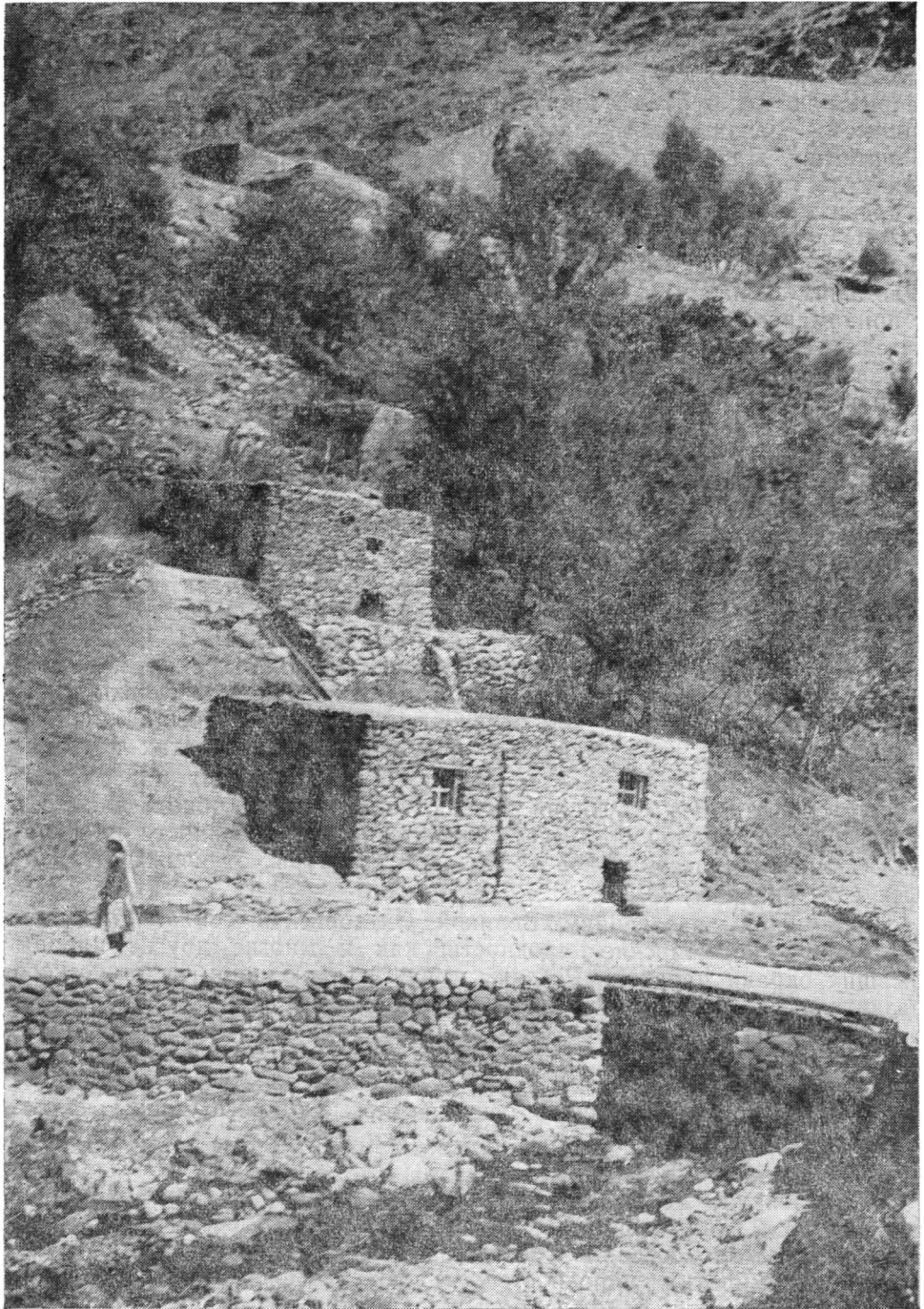

Рис. 3. Водяные мельницы в Шугнane

Рис. 4. Студентки из Хорога. Крайняя слева — уроженка долины Бартанга, средняя — шугнанка из долины Гунта, крайняя справа — шугнанка из долины Шахдара

установление авиасвязи между отдельными районами области и регулярного воздушного сообщения по линии Душанбе — Хорог, связавшими между собой как отдельные районы, так и Горно-Бадахшанскую автономную область в целом с культурными центрами Таджикистана и другими республиками Советского Союза.

Наши материалы показывают, что изживание былой экономической и культурной обособленности припамирцев проявилось в советское время в сближении в той или иной степени с таджиками язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других более малочисленных народностей в области материальной культуры (особенно в отношении пищи, одежды, орудий труда).

Основное занятие населения Западного Памира, как и таджиков (особенно горцев Дарваза), — земледелие высокогорного типа при искусственном орошении в сочетании со скотоводством отгонно-пастбищного типа.

В современном хозяйстве припамирских народностей сохраняются лишь те орудия труда и приемы сельскохозяйственной деятельности, которые обусловлены спецификой местных природных условий (например, пахотное оружие — *сыпорн* из твердых пород дерева с железным

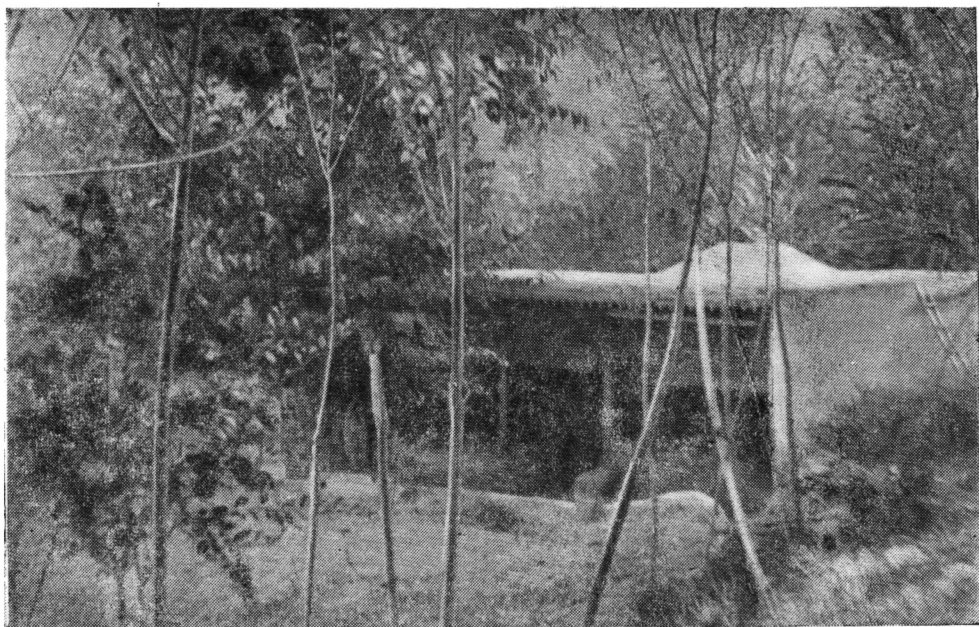

Рис. 5. Традиционный жилой дом в Шугнane

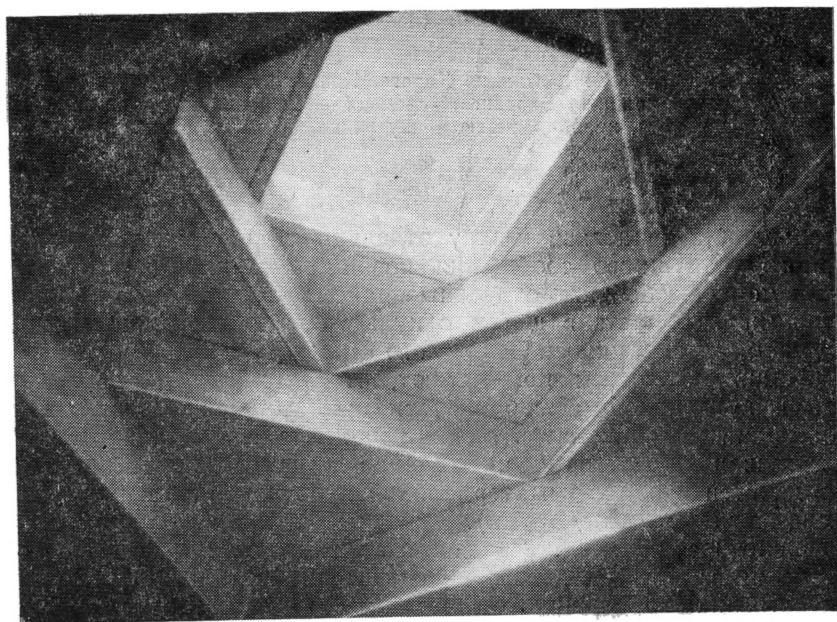

Рис. 6. Ступенчатый свод кровли «чор-хона»

Рис. 7. Воспитательницы яслей с детьми (Ваханский кишлак Вранг)

кованым наконечником, приспособление из досок для переноса снопов и другого груза — *кихт* и т. п.). Применяются эти орудия труда там, где из-за условий рельефа местности и почв невозможно применить более совершенные орудия труда или машинную технику. То же можно сказать о сохранении традиционных черт в жилище, одежде [3, 19—31, 36—38; 9, гл. IX, X и XI; 4, вып. 2, 21—108, 114—150, 236—254, 255—267, 286—309, 381—486; 22, 13—28, 30—50].

В настоящее время традиционная туникообразного покроя одежда припамирских народностей повсеместно сменилась современным общесреднеазиатским костюмом и одеждой, характерной для нашего общества в целом.

За последнее десятилетие сильно изменилась традиционная национальная одежда припамирцев. Их современная национальная одежда содержит элементы, заимствованные не из традиционного, а из современного национального костюма таджиков.

Такой же характер имеют заимствованные у таджиков новые элементы жилища, в частности его интерьер. В современном жилище сочетаются традиционные элементы народного жилища с современными чертами таджикской и общесоветской культур. Национальный колорит придают жилищу его традиционная конструкция, основанная на деревянном каркасе со ступенчатым сводом — *чор-хона* и наличие глинобитных нар, расположенных вдоль трех стен.

Несмотря на географическую изолированность в прошлом, население Западного Памира не было полностью лишено связей с сосед-

ними народами. Отдельные элементы материальной культуры, некоторые виды растений и породы скота заимствовались памирцами часто путем обмена и с юга (Индия) и с севера (из равнинных районов Средней Азии через горных таджиков Каратегина и Дарваза). Меновая торговля существовала издавна между отдельными припамирскими народностями и соседними с ними кочевниками-скотоводами киргизами Восточного Памира, которые жили в переносном жилище — юрте, и кочевали со стадами овец и яков в течение всего года [2, 20, 29, 30]. Часто обмен проходил в своеобразной форме «партнерства»: памирец, чаще шугнанец долины Шахдары, верховьев Гунта, бартангец или ваханец, дружил с кем-либо из киргизов. Они ездили друг к другу в гости и обменивались товарами своего хозяйства: изделия киргизов — уздечки, сбрую, седельники, конские плети, вьючные сумы, кошмы памирцы приобретали в обмен на зерно, шерстяную ткань для халатов, деревянную утварь, джурабы и прочее. Кошмовалению памирцы научились у киргизов, у них же была заимствована порода курдючных овец. Киргизы заимствовали от памирцев вязку чулок-джурабов, некоторые виды орудий труда — топорик *теше*, серпы и т. п. Однако несмотря на такие связи, браки киргизов (суннитов по вероисповеданию) и таджиков с припамирскими народностями были довольно редки. При смешанных браках преимущественно киргизы женились на таджичках [20, 21]. Смешанные браки между киргизами и припамирскими народностями и в настоящее время довольно редки. Так, даже в районном центре Мургаб (на Восточном Памире), где большинство населения составляют киргизы, таких смешанных браков, по данным областного архива ЗАГС'а, в 1935 г. было всего два, в 1945 — два, в 1955 г. не было зарегистрировано ни одного, в 1965 г. — один. Причем во всех этих случаях мужчины из припамирских народностей женились на киргизках.

Смешанных браков, в которых один из супругов относится к какой-либо припамирской народности, а второй — к другой национальности, — очень мало.

Число смешанных браков (в однонациональных районах в прошлом) зависит обычно от миграционного движения населения, ограниченного в данном случае пограничным положением ГБАО, а также и отсутствием больших промышленных строек, собирающих, как известно, многонациональные кадры работающих. Поэтому смешанных браков в ГБАО мало и играть существенную роль в этнических процессах они, естественно, не могут.

Сближение отдельных элементов национальной культуры и быта инонациональных народностей, несомненно, зависит от общего культурного уровня различных социальных слоев взаимодействующих (контактирующих) групп этих народов, что и обуславливает неравномерность развития данного процесса.

Так, естественно, у городского населения Хорога среди припамирских народностей в быту отмечается больше элементов современной таджикской и городской, общесоветской культуры, чем у сельского населения.

В сельских местностях элементы таджикской и городской культуры наиболее отчетливо прослеживаются в среде местной сельской интеллигенции: учителей, врачей, руководящих работников советских и общественных организаций, колхозов и т. п.

В области духовной культуры и семейных отношений сближение припамирских народностей (традиционная духовная культура и семейный быт которых сложились под влиянием исмаилитской идеоло-

гии) с таджиками (испытывшими глубокое влияние суннитской идеологии) в прошлом было невозможно, так как слишком велики были различия в основополагающих аспектах семейного быта (взаимоотношения между полами, положение женщины и т. п.) и национальных традиций.

В Советский период эти препятствия исчезают. Преобразование семейных отношений под влиянием социалистической культуры имеет решающее значение в процессе этнического взаимодействия, потому что именно в семье формируются и поддерживаются национальные традиции, создаются определенные моральные нормы, формы взаимоотношений между полами и поколениями и т. п. Однако сближение припамирских народностей с таджиками в области духовной культуры и семейных отношений оказалось возможным только на основе сложения новой социалистической культуры у обоих этих контактирующих народов.

В результате исследования этого вопроса на конкретном этнографическом материале мы убедились, что процесс постепенного изживания обособленности быта припамирских народностей от таджиков в настоящее время протекает на основе воздействия общесоветской социалистической культуры, влияющей в равной степени как на припамирские народности, так и на таджиков.

Следует, однако, отметить, что изменение народом своих национальных традиций в процессе естественного развития его национальной культуры, вызванное изменениями в общественном строе, экономике, широким развитием народного образования и здравоохранения, а также заимствование прогрессивных, передовых форм социалистической культуры более развитых народов, активно влияют, но все же не определяют процесс этнического развития. В процессе этнического взаимодействия с таджиками припамирские народности усваивают лучшие черты современной национальной культуры таджиков, насыщенной элементами общесреднеазиатской и общесоветской культуры.

Степень развития процессов ассимиляции и консолидации в этногенезе определенной народности или отдельных этнографических групп в составе наций или народностей, или групп народностей, зависит главным образом от изменения этнического самосознания народности или этнографической группы.

Рассмотрим некоторые процессы этнического развития припамирцев [см. также 23].

До упрочения Советской власти и начала социалистического преобразования хозяйства, общественной, семейной и культурной жизни естественное хозяйственное, культурное и этническое сближение припамирских народностей с таджиками и даже с наиболее близкими им по историческим судьбам и экономическому развитию таджиками Дарваза в силу упомянутых выше причин протекало медленно. Однако нельзя говорить о полном отсутствии этнических взаимовлияний между ними.

В прошлом из припамирских народностей наиболее тесно соприкасались с горными таджиками ванчцы (правильнее ванджи), коренное население долины р. Ванч (Вандж), входившей в Бухарский эмират. Духовенство эмирата проводило насильственное обращение в суннизм всех, исповадовавших другую религию. Под влиянием суннитской идеологии у ванчцев изменились общественные и семейные взаимоотношения, моральные нормы, бытовой уклад в целом. Постепенное экономическое и культурное сближение ванчцев с таджиками привело к утрате ванчцами своего родного языка, замене его таджикским (ванчским или

ванджским говором таджикского языка), а в конечном итоге к слиянию ванццев с таджиками. Население остальных районов республики считает ванццев таджиками. «Судя по некоторым признакам, „ванджский язык“, входя в северную подгруппу памирских языков, наиболее тесно примыкал к язгулемскому языку» [32, 131].

Язгулемцы [22] — южные соседи ванццев — жители Язгулемской долины, войдя лишь в конце XIX в. в состав Бухарского эмирата, вынуждены были, как ранее это произошло с ванццами, официально принять суннизм. Однако в настоящее время, в отличие от ванццев, они полностью сохранили свой родной язык.

Вместе с тем воздействие таджикской культуры на язгулемцев привело к сочетанию в их культуре и быту элементов, характерных для припамирских народностей, с таджикскими в их хозяйстве, семейной и общественной жизни. Например, как и у таджиков-суннитов, у язгулемцев на народных праздниках и увеселениях женщины угощались и развлекались отдельно от мужчин. Жена главы семьи, если во время сельского схода сам глава отсутствовал, никогда не приглашалась на собрание сельской общины. В отличие от других припамирских народностей у язгулемцев оскорбленный муж имел право убить жену и ее любовника. С принятием суннизма и более тесном общении с таджиками Дарваза и других районов Таджикистана, утвердился обычай калыма и, вероятно, как сопутствующий ему и обычай публичного удостоверения девственности невесты. «Самым верховным местом наличия этого обычая (установление невинности невесты. — Л. М.) по течению р. Пяндж является долина Язгулема, куда он проник вместе с суннизмом и где старики еще вспоминают рассказы о времени, когда этого обычая у них не было» [4, вып. 1, 175—176].

Однако нам еще в 40-х годах удалось отметить сохранение обычая траурного танца матери, жены или сестры покойника перед выносом его тела из дома [22, 78].

Сами язгулемцы считают себя таджиками и отделяют себя от «памирцев» — других припамирских народностей, но язгулемцев «настоящими таджиками» ни ванццы, ни таджики других районов республики до сих пор еще не считают, хотя некоторые говорят, что язгулемцев все же можно считать таджиками, потому что у них обычаи общие с таджиками (имеется в виду религиозная общность в прошлом), только язык другой; остальные же припамирские народности, по их утверждению, — не таджики, а «памирцы», так как у них другие языки и обычаи.

Остальные припамирские народности до сих пор отделяют себя от таджиков. Так, бартангцы говорят «мы бартанги и язык наш бартанги»; некоторые из них подчеркивают: «мы таджики, но язык наш — бартанги». Шугнанцы считают себя таджиками, но «панджтани», и предпочитают поэтому, чтобы их называли «памирскими таджиками». Ваханцы из кишлака Вранг отличая памирцев от ванццев и язгулемцев, говорят: «В Шугнани, Рушани и Вахани — один народ живет, только обычаи немного разные, а в Язгулеме и Вандже — другой народ». Заслуживают внимания высказывания ваханцев из кишлака Лянгар: «Сами себя мы называем хик, или вахи; таджик — наша национальность по республике, по своим же обычаям мы — вахи (ваханцы)».

Каковы же объективные показатели происходящих в среде припамирских народностей этнических процессов, в частности данные о языке?

Как показывает анализ наших материалов, утвердившееся в лите-

ратуре мнение о широком распространении в прошлом таджикского языка как второго языка на Западном Памире вызывает сомнение. Действительно, издавна таджикский язык, называемый припами́рцами «форси» («фарси»), служил языком общения как между припами́рскими народностями, так и между ними и таджиками соседних местностей, но нет достаточных оснований считать всех припами́рцев XIX и начала XX в. двуязычными.

Дело в том, что до установления Советской власти на Западном Памире школ не существовало и подавляющая масса населения была неграмотна. Местные же памирские языки — бесписьменные. Немногие грамотные люди обучали грамоте на «форси» мальчиков из зажиточных семей. Как правило, таджикским языком владели в основном только те мужчины, которые уходили на заработки в Восточную Бухару, Афганистан, Читрал и т. д., а также представители больших патриархальных семей, вступавшие в контакт с иноземными властями (это не всегда был глава семьи, в такой роли часто выступал один из его сыновей, наиболее развитый, предприимчивый). Женщины в прошлом почти все не знали таджикского языка.

Наши личные, непосредственные наблюдения подтверждают сведения информаторов. В настоящее время многие старики и пожилые люди (старше 60 лет, в особенности женщины) практически не владеют таджикским языком.

Люди примерно от 40 до 60 лет — и мужчины и женщины — знают в равной степени таджикский язык и немного — русский. Дети до семи лет не знают таджикского языка. Лучше всего владеет таджикским языком среднее поколение и молодежь. Эта же возрастная группа лучше других знает и русский язык.

В школах обучение ведется на таджикском языке. Со второго класса вводится преподавание русского языка как учебного предмета, а с пятого класса — немецкого, английского или персидского (в одной из школ г. Хорог).

Хотя родным языком, естественно, пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве, словарный запас припами́рских языков пополняется все время заимствованиями из таджикского языка, который служит основным проводником культурных и общественных идей. Областная газета «Бадахшани Совети» выходит на таджикском языке (на четвертой странице печатаются материалы на русском языке), районные газеты печатаются на таджикском языке; на таджикском языке (и на русском) ведутся радиопередачи, идут кинофильмы, спектакли. На таджикском языке проходят официальные собрания, пленумы, совещания в областном масштабе.

Таким образом, только в годы социалистического строительства таджикский язык действительно становится вторым родным языком припами́рских народностей. Он является одним из важных факторов в процессе изживания былой обособленности припами́рцев, их постепенного сближения с таджиками, благодаря чему припами́рцы приближаются к современной общесреднеазиатской и общесоветской культурам. Однако разговорный таджикский язык припами́рских народностей «форси», как и в дореволюционное время, отличается от литературного таджикского языка и от разговорного языка таджиков других районов республики.

Как отмечают лингвисты, «межпамирский „форси“, кроме своей разговорной формы, засвидетельствован и в многочисленных произведениях народного творчества — рубои, песнях, сказках, стихах местных поэтов... Таджикский фольклор распространен на Памире повсеместно

среди населения, говорящего на различных памирских языках. На местных языках исполняются лирические четверостишия (шугнанско-рушанская группа) и трехстишия (среди ваханцев), а также сказки» [28, 108—109].

За последние годы как в таджикском, так и в памирских языках происходит заимствование слов из русского языка, становящегося языком межнационального общения народов СССР.

Как уже отмечено, молодые люди, получившие среднее образование, обычно довольно хорошо знают и таджикский, и русский языки. Это подтверждается анализом библиотечных формуляров наиболее активных читателей. В библиотеке Рушанского сельсовета, например, медсестра Ахунова Сафармо (1938 г. р.) прочла в 1964 г. 28 книг, из них на русском языке — 17; ученик 7-го класса Азизмамедов — 6 книг на русском языке. В школьной библиотеке одной из школ Поршневского сельсовета (Шугнан) самый активный читатель — учитель Абдуллашоев Рамзи, прочел 25 книг, из них почти половину на русском языке; в читательских формулярах учеников также много книг на русском языке. Неудивительно, что из 124 девушек, поступивших в 1964 г. в высшие учебные заведения, 22 пошли учиться на факультет русского языка и литературы. Большой интерес у молодежи вызывают также кинофильмы, идущие на русском языке.

Преобладает русский язык на торжественных праздниках, связанных с такими юбилейными датами Горно-Бадахшанской автономной области, как ее 40-летний юбилей, или торжествах по случаю награждения ГБАО за достигнутые успехи в развитии хозяйства и культуры орденом Ленина (октябрь 1967 г.), когда приглашаются гости из других союзных республик.

Среди припамирцев нами отмечено существование двух точек зрения на национальное развитие населения ГБАО. Одни считают себя таджиками, но памирскими; основное различие видят в родных языках, в некоторых нормах и обычаях семейной, а в прошлом и общественной жизни. Таджикский язык считают родным письменным языком, а вторым родным, письменным и устным, — русский. Родные памирские языки, по мнению этой группы памирцев, как бесписьменные, не имеют перспектив. Эти памирцы выражают беспокойство, что дети, говоря и дома, и в школе (на переменах) на родном языке, плохо усваивают таджикский язык. Поэтому сторонники этой точки зрения считают, что в школах надо усилить внимание к изучению таджикского языка.

Сторонники другой точки зрения считают целесообразным, поскольку семилетние дети, идущие в первый класс, не знают совсем таджикского языка, сделать языком обучения во всех школах русский язык, а таджикский преподавать со второго класса как учебный предмет. Русский язык служит средством общения между всеми народами Советского Союза (даже с киргизами Восточного Памира многие разговаривают по-русски). Сторонники этой второй точки зрения считают, что введение во всех школах ГБАО обучения на русском языке облегчит молодежи его усвоение и тем самым откроет большие возможности для лучшего применения своих сил.

Практически молодежь самостоятельно осваивает русский язык; многие студенты-припамирцы идут сдавать экзамены на русском языке.

Приведенные нами материалы свидетельствуют о наличии тенденции к ассимиляции таджиками припамирских народностей, но, учитывая взгляды другой части местной интеллигенции, стоящей за обучение во всех школах на русском языке, тенденцию ассимиляции этих народностей таджиками не следует преувеличивать.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., как отмечалось выше, все припамирские народности по национальности были записаны таджиками, но при этом свыше 42 тыс. человек назвали родным один из припамирских языков. Даже и малочисленные ишкашимцы, живущие в ГБАО в одном кишлаке Рын (их там свыше 400 человек, а всего в 1955 г. — свыше 500 человек, по данным Т. Н. Пахалиной), назвали своим родным языком ишкашимский. Т. Н. Пахалина пишет, что этот язык «...Как и все памирские языки, бесписьменный. В настоящее время пользование родным языком у советских ишкашимцев ограничено пределами повседневного обихода. Школа, делопроизводство, печать, радио — на таджикском языке, который все ишкашимцы, кроме детей дошкольного возраста достаточно хорошо знают. С помощью таджикского языка они общаются с находящимися с ними по соседству ваханцами и приезжающими иногда в Ишкашим шугнанцами. Между собой же в обиходе они говорят только по-ишкашимски. Таким образом, хотя сфера употребления ишкашимского языка весьма ограничена, но в ней он сохраняется довольно прочно» [25, 3].

У более многочисленных народностей, таких как шугнанцы, рушанцы, ваханцы, естественно, родной язык сохраняется еще прочнее. Родным языком пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве.

Анализируя данные переписи населения 1959 г., С. И. Брук и В. И. Козлов подчеркнули, «что же касается талышей и припамирских народов (ваханцев, шугнанцев, рушанцев и др.), то объяснить их исчезновение в переписных листах нельзя ни консолидацией (они включены в состав народа, отличающегося от них по языку и культуре), ни ассимиляцией, для столь сильного и быстрого развития которой не было достаточных объективных причин. Ассимиляция обычно начинается с перемены языка, а между тем припамирские народы и значительная часть талышей даже по данным переписи 1959 г. сохранили свои родные языки» [10, 8]. В примечании авторы обратили внимание на то, что «в переписи 1959 г. оказалось, что 42,4 тыс. таджиков говорит на рушанском, шугнанском, ишкашимском и других языках. Результатами переписи ставится под сомнение правомерность дальнейшего существования Горно-Бадахшанской автономной области» [10, 8].

Между тем анализ наших материалов показывает, что, несмотря на социалистические преобразования в хозяйстве и культуре припамирских народностей, современный уровень их этнического развития оправдывает сохранение автономии Горно-Бадахшанской автономной области в пределах Таджикской ССР.

В связи с этим следует отметить еще одно интересное явление. Параллельно с основным этническим процессом сближения припамир-

Рис. 8. Мальчик из Язгулема

ских народностей с таджиками наблюдается и другой, самостоятельный процесс консолидации припамирских народностей (рушанцев, шугнанцев, ваханцев и др.).

Издавна экономическое и культурное развитие припамирских народностей протекало неоднородно, причем в зависимости от степени географической изоляции одни группы находились на более высокой ступени развития, чем другие. У шугнанцев, да и среди других припамирских народностей, по свидетельству наших информаторов, в экономическом и культурном отношении выделялась группа кишлаков современного Поршневого сельсовета. Эта местность, расположенная в 18 км от столицы ГБАО — г. Хорог, всегда была центром культурной и хозяйственной жизни не только шугнанцев, но и других припамирских народностей. В то же время жители, особенно верхнего Бартанга, Хуфа и долины Язгулема, испытывали величайшие трудности из-за своего высокогорного изолированного положения.

В настоящее время Шугнанский район является самым многонациональным в Горно-Бадахшанской автономной области. «Занимая лишь 15% ее территории, он сосредоточивает около трети всего населения области. Шугнанскому району принадлежит ведущее место в экономике Горного Бадахшана — первое место по размерам пашни и поголовью крупного рогатого скота. Это также промышленно наиболее развитая часть Памира, быстро урбанизирующаяся. Ныне 43% населения района является городским. Число сельских поселений Шугнана с 1926 по 1965 г. выросло более чем в два раза. В Шугнанском районе находится в настоящее время около половины всех постоянных населенных пунктов автономной области» [11, 174].

А. К. Писарчик отмечает, что «равнинные и горные таджики в настоящее время называют припамирцев „памири“ — памирцы или иногда шугни — шугнанцы, по имени наиболее многочисленной их группы» [26, 658]. Этот внутренний процесс консолидации припамирских народностей в одну этническую общность вряд ли имеет перспективы дальнейшего развития. Можно предполагать, что этнические процессы среди припамирских народностей пойдут по пути ассимиляции их таджиками, с которыми они все более сближаются. Самосознание припамирских народностей, по материалам непосредственного наблюдения и расспросным сведениям, претерпело значительные изменения по сравнению с периодом начала социалистических преобразований.

Если раньше на вопрос о своей национальной принадлежности отвечали: «згамик» (язгулемцы), «хик, вахи» (ваханцы), «ишкошуми» (ишкашимцы), «хунуни», «хугни» (шугнанцы), «рыхен» (рушанцы), «бартангидж» (бартангцы), «хуфидж» (хуфцы) «баджувадж» (баджуйцы), то в настоящее время говорят «тоджик» (таджик), но прибавляя «памирский», выделяя этим себя в основной массе таджиков республики. Часто национальное самосознание памирцев проявляется и в их самоназвании «памирец». Термин «памирец», употреблявшийся в прошлом больше как понятие, обозначающее географическое место жительства, в настоящее время приобрел и этническое значение.

Таким образом, припамирские народности, сохраняющие свои родные памирские языки, этнографические особенности семейного быта, некоторые элементы материальной и духовной культуры с национальным самосознанием как памирских таджиков, на данном этапе их этнического развития представляют собой этнографические группы таджиков, возможно консолидирующиеся в одну этнографическую группу таджиков — памирских таджиков. Сближение памирцев с таджиками за годы социалистического строительства происходит на осно-

ве преодоления их бывшей изолированности, социалистических преобразований в области экономики, материальной и духовной культуры, развития разносторонних межнациональных связей и роста атеизма как у памирцев, так и у таджиков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева А. Г., Очерки истории Бадахшана, Ташкент, 1964.
2. Абрамзон С. М., Киргизы,— «Народы Средней Азии», т. II, М., 1963.
3. Андреев М. С. и Половцев А. А., Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии,— «Сборник Музея антропологии и этнографии», СПб., 1911, вып. IX.
4. Андреев М. С., Таджики долины Хуф, вып. I, 1953, вып. II, 1958.
5. Аристов Н. А., Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям,— «Русский антропологический журнал», 1902, II, № 3.
6. Атлас Таджикской ССР, Душанбе—М., 1968.
7. Бернштам А. Н., Археологические памятники Памира,— «Краткие сообщения ИИМК», т. XXVI, 1949.
8. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая,— «МИА», т. XXVI, М.—Л., 1952.
9. Бобринский А. А., Горцы верховьев Пянджа, М., 1908.
10. Брук С. И. и Козлов В. М., Этнографическая наука и перепись населения 1970 года,— «Советская этнография», 1967, № 6, стр. 8.
11. Гинзбург Н. С., Особенности расселения на Памире,— Сб. «География населения и населенных пунктов СССР», Л., 1967.
12. Зелинский А. Н., Древние крепости на Памире,— «Страны и народы Востока», М., 1964, вып. III.
13. Зелинский А. Н., Древние пути Памира,— «Страны и народы Востока», М., 1964.
14. Зелинский А. Н., Древние памятники в Вахане,— «Географическое общество СССР. Доклады по этнографии», вып. I (4), Л., 1966.
15. Итоги Всесоюзной переписи населения Таджикской ССР, М., 1963.
16. Кисляков Н. А., К вопросу об этногенезе таджиков,— Сб. «Советская этнография», 1947, вып. VI—VII.
17. Кисляков Н. А., Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков,— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М., 1960, вып. 80.
18. Козлов В. И., Типы этнических процессов и особенности их исторического развития,— «Вопросы истории», М., 1968, № 9.
19. Лившиц В. А., Иранские языки народов Средней Азии,— «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
20. Маанаев Э., Памирские киргизы, Фрунзе, 1963 г.
21. Мандельштам А. М., Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей (с древнейших времен до X в. н. э.),— «Труды АН ТаджССР», т. 25, Сталинабад, 1957.
22. Моногарова Л. Ф., Материалы по этнографии язгулемцев,— «Среднеазиатский сборник», т. II, М., 1959.
23. Моногарова Л. Ф., Современные этнические процессы на Западном Памире,— «Советская этнография», 1965, № 6.
24. Ошанин Л. В., Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, Ереван, 1957.
25. Пахалина Т. Н., Ишкашимский язык, М., 1959.
26. Писарчик А. К., Припамирские таджики,— «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
27. Розенфельд А. З., Таджикоязычное население Советского Бадахшана,— «Советская этнография», М., 1963, № 1.
28. Розенфельд А. З., Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире,— «Вестник Ленинградского Университета», № 20, сер. истории, языка и литературы, вып. 4, Л., 1963.
29. Шибеева Ю. А., Материалы по жилищу мургабских киргизов,— «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея», Сталинабад, 1955, вып. II, История и этнография.
30. Шибеева Ю. А., Материалы по одежде мургабских киргизов,— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. XXV, М.—Л., 1956.
31. Эдельман Д. И., Язгулемский язык, М., 1966.
32. Эдельман Д. И., Современное состояние изучения памирских языков,— «Вопросы языкознания», М., 1964, № 1.